



Дата поступления рукописи в редакцию: 04.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-922-928

ПОЛЯНСКАЯ София Михайловна,
студент 3 курса обучения,
Томский государственный университет,
e-mail: sof1yapol@mail.ru

«INTER ARMA ENIM SILENT LEGES?»: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления историко-правовых предпосылок, обусловивших качественный скачок в развитии международного гуманитарного права (далее – МГП) в середине XX века. Традиционный тезис «*Inter arma enim silent leges*» («Во времена войны безмолвствуют законы») требует пересмотра в контексте системной кодификации правовых норм, последовавшей за ужасами Второй мировой войны.

Целью статьи является комплексный анализ роли Второй мировой войны в качестве ключевого катализатора, определившего содержание и направление развития современной системы МГП. Для достижения цели решаются следующие задачи: выявить ограниченность и пробелы системы МГП, существовавшей к 1939 году; документально проиллюстрировать систематический характер наиболее вопиющих нарушений существовавших правовых норм государствами «Оси» на основе исторических и правовых источников; проследить прямую причинно-следственную связь между этими нарушениями и принятием основополагающих международно-правовых актов в послевоенный период.

Методологическую основу составляют историко-правовой метод, позволивший реконструировать генезис правовых институтов, и сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления нормативных положений Гаагского и Женевского права с практикой их применения и последующего развития.

Результаты и научная новизна заключаются в системном доказательстве того, что Вторая мировая война не привела к «безмолвию» права, а, напротив, стала импульсом для его кардинальной трансформации. В работе показано, что именно ответ на беспрецедентные военные преступления и преступления против человечности привел к появлению четырех Женевских конвенций 1949 года, становлению принципа верховенства прав человека, запрету агрессивной войны в Уставе ООН и созданию прецедента международной уголовной ответственности (Нюрнбергский процесс).

Выводы подтверждают центральный тезис: Вторая мировая война выполнила функцию катализатора, который актуализировал потребность в более эффективном и универсальном правовом регулировании вооруженных конфликтов, заложив фундамент той системы МГП, которая, несмотря на вызовы, продолжает функционировать сегодня.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Вторая мировая война, Женевские конвенции, Нюрнбергский процесс, военные преступления, права человека, ООН.

POLYANSKAYA Sofia Mikhailovna,
third-year student, Tomsk State University

«INTER ARMA ENIM SILENT LEGES?»: THE SECOND WORLD WAR AND THE FORMATION OF A NEW LEGAL ORDER IN THE CONTEXT OF ARMED CONFLICTS

Annotation. *The relevance of the study is due to the need to understand the historical and legal prerequisites that led to a qualitative leap in the development of international humanitarian law (hereinafter referred to as IHL) in the mid-20th century. The traditional thesis «Inter arma enim silent leges» («In times of war, laws are silent») requires revision in the context of the systematic codification of legal norms following the horrors of the Second World War.*

The aim of the article is a comprehensive analysis of the role of the Second World War as a key catalyst that determined the content and direction of the development of the modern IHL system.

To achieve this aim, the following tasks are set: to identify the limitations and gaps of the IHL system that existed by 1939; to document, based on historical and legal sources, the systematic nature of the most egregious violations of the existing legal norms by the Axis states; to trace a direct causal link between these violations and the adoption of fundamental international legal instruments in the post-war period.

The methodological basis comprises the historical-legal method, which allowed for the reconstruction of the genesis of legal institutions, and the comparative-legal method, used to compare the normative provisions of the Hague and Geneva law with the practice of their application and subsequent development.

The results and scientific novelty lie in the systematic proof that the Second World War did not lead to the «silence» of law but, on the contrary, became an impulse for its radical transformation. The paper demonstrates that it was the response to unprecedented war crimes and crimes against humanity that led to the crystallization of the four Geneva Conventions of 1949, the establishment of the principle of the supremacy of human rights, the prohibition of aggressive war in the UN Charter, and the creation of a precedent for international criminal responsibility (the Nuremberg Trials).

The conclusions confirm the central thesis: the Second World War served as a catalyst that highlighted the need for more effective and universal legal regulation of armed conflicts, laying the foundation for the IHL system which, despite challenges, continues to function today.

Key words: *international humanitarian law, Second World War, Geneva Conventions, Nuremberg Trials, war crimes, human rights, UN.*

«Inter arma enim silent leges», –
Марк Туллий Цицерон

Классический афоризм Марка Туллия Цицерона «Inter arma enim silent leges» («Когда говорят пушки, законы молчат») долгое время считался аксиомой, описывающей реалии войн древности и средневековья, для которых была характерна слабость правовой регламентации. Однако этот тезис требует пересмотра в свете последующего исторического развития. Настоящее исследование основано на гипотезе, что крупномасштабные вооружённые конфликты, вопреки мнению Цицерона, являются не причиной «безмолвия» права, а мощным катализатором его развития. Наиболее ярким подтверждением служит эволюция международного гуманитарного права (далее – МГП) после Второй мировой войны.

Такой диалектический подход коренится в самой природе права. Правовые нормы возникают не из пустоты, а как отражение насущных потребностей и общественных отношений, которые в ответ на кризисы и вызовы обретают нормативную форму и получают официальное закрепление.

История свидетельствует, что различные общества повсеместно создавали правила, ограничивающие насилие, в том числе в военных дей-

ствиях. Формирование таких нормативных рамок в научной доктрине рассматривается как фундаментальный признак перехода от догосударственного состояния к цивилизационному развитию.

Таким образом, правовые системы древности и средневековья вырабатывали регуляторы, выполнявшие защитные функции, схожие с современным МГП, но существенно отличавшиеся по своей юридической природе и сфере действия. Обязательность этих исторических норм обеспечивалась главным образом религиозными доктринами и морально-этическими постулатами, актуальными для конкретных социокультурных общностей. В противоположность этому, современная система МГП формируется в рамках позитивистской доктрины, где источником юридической обязательности служит согласованная воля суверенных государств, формализованная в международных договорах и устоявшихся правовых обычаях.

Многие принципы современного МГП имеют глубокие исторические корни, уходящие в древние военные обычаи. Ещё до появления письменных норм на международной арене действовали неписанные правила, регулировавшие начало и ведение боевых действий. Яркой иллюстрацией служит практика киевского князя Святослава Игоревича, который перед походом направлял противнику лаконичное предупреждение: «Хочу на вы идти». В древнерусском языке форма вини-

тельного падежа в этой конструкции совпадала с именительным, что делало высказывание недвусмысленным объявлением войны. [1]

Спустя столетия этот обычай был кодифицирован. Статья 1 Гаагской конвенции о начале военных действий 1907 года прямо обязывала государства не начинать боевые действия «без предварительного и недвусмысленного предупреждения». [10] Таким образом, уже в древности существовали протогуманитарные обычаи, которые, несмотря на иную (религиозную или этическую) основу обязательности, выполняли сходную функцию – ограничение насилия. Эволюция от обычая князя Святослава до Гаагской конвенции наглядно демонстрирует многовековую тенденцию перевода обычного права в позитивное, что ставит под сомнение абсолютный характер тезиса Цицерона.

К сожалению, от войн нам никуда не деться, ведь история человечества – это и история войн в том числе. Так, 9 мая 2025 года отмечалась юбилейная дата – 80-летие Великой Победы над германским нацизмом в Великой Отечественной войне, которая темпорально стала основной частью Второй мировой войны (далее – ВМВ). Затронув огромные территории, ВМВ стала не просто крупным политическим и историческим событием, которое изменило границы государств, она стала фактором кризиса мирового правосознания, более того, изменила ценностные приоритеты в международном гуманитарном правотворчестве. Именно после столь ужасного во всех аспектах события акцент с содержания нормы, сместился на её эффективность. Рассмотрим это далее.

Формирование МГП как системы норм началось задолго до середины XX века. Зарождение современной правовой регламентации конфликтов связано с инициативой швейцарского Союзного совета, которая легла в основу первой Женевской конвенции 1864 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Впоследствии документ неоднократно пересматривался (1906, 1929, 1949 гг.). [8]

Ключевую роль в создании Конвенции 1864 года сыграл швейцарский общественный деятель Анри Дюнан, впечатлённый страданиями солдат после битвы при Сольферино (1859).

Однако, несмотря на свою историческую важность, эффективность первой Женевской конвенции была ограниченной. Её действие распространялось исключительно на раненых и больных комбатантов, оставляя без правовой защиты гражданское население и иные категории жертв конфликтов. Кроме того, в документе отсутствовали действенные процедуры мониторинга и обе-

спечения соблюдения его положений, что серьёзно осложняло практическую имплементацию. Ярким свидетельством этих недостатков стала судьба дополнительных статей 1868 года, которые были разработаны для уточнения отдельных норм Конвенции 1864 года и, в частности, для распространения её принципов на сферу военно-морских операций. Данные положения не были ратифицированы государствами и, как следствие, не приобрели юридической силы. [5]

Наиболее значимыми для довоенного МГП были Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., заложившие основы права ведения войны («право Гааги»). Хотя Первая Гаагская конференция 1899 года не достигла главной цели, она стала важным шагом в кодификации «права войны», развитии арбитража и посредничества, а также ограничении вооружений. В историческом контексте это был первый международный документ, установивший процедуры мирного урегулирования споров. Тогда же был создан Постоянный третейский суд – прообраз будущих международных судов. Вторая конференция (1907) пересмотрела прежние конвенции и приняла десять новых, значительная часть которых посвящалась морскому праву.

Несмотря на значительные проблемы применения гуманитарных норм, уже само их наличие явилось огромным качественным «прорывом» в области международного права. Дело в том, что в начале двадцатого столетия правовой подход к войне кардинально отличался от современного. Ведущие государства мира признавали вооружённый конфликт легитимным инструментом решения международных противоречий. Эта позиция находила практическое подтверждение в ряде крупных войн начала века, включая Русско-японскую (1904–1905) и Первую мировую (1914–1918), в ходе которых, помимо прочего, применялись методы и средства ведения боевых действий, уже попадавшие под существовавшие запреты. [12]

Тем не менее, в последующие десятилетия произошла радикальная трансформация глобального правосознания. Знаковым событием на этом пути стал Парижский пакт 1928 года, известный как Пакт Бриана–Келлога. [4] В данном документе государства-участники провозгласили принципиальный отказ от использования войны в качестве инструмента своей национальной политики.

Историческая практика, однако, продемонстрировала ограниченную эффективность одних лишь декларативных договорённостей. Нацистская Германия, вопреки взятым международным обязательствам, осуществила серию откровенных актов агрессии, положивших начало Второй мировой войне. Последующие действия немецкого режима на оккупированных территориях характе-

ризовались беспрецедентной жестокостью. Масштаб и характер совершённых преступлений выходили не только за рамки действовавших норм международного гуманитарного права, но и преодолевали все общепринятые границы человеческой морали и этики.

Анализ нормативно-правовой базы, действовавшей на момент начала Второй мировой войны, позволяет констатировать, что правовой статус военнопленных, раненых и больных комбатантов формально регламентировался двумя ключевыми международными договорами: Женевской конвенцией об обращении с военнопленными [7] и Женевской конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях [9], обеими от 27 июля 1929 года. Германия, являвшаяся участником указанных конвенций, была обязана соблюдать установленные ими стандарты. Дополнительным источником норм, регулирующих поведение сторон в конфликте, служило Положение о законах и обычаях сухопутной войны, приложенное к IV Гаагской конвенции 1907 года. [6]

Совокупность этих актов устанавливала конкретные гуманитарные гарантии. В частности, продовольственное снабжение военнопленных должно было быть эквивалентно по качеству и количеству пайкам войск, находящихся на казарменном положении (ст. 11 Об обращении с военнопленными). Комбатанты, ставшие *hors de combat* вследствие ранения или болезни и попавшие под контроль противной стороны, подлежали признанию военнопленными (ст. 2 Конвенции об улучшении участи раненых и больных). Центральным императивом провозглашалось обязательство гуманного обращения, включая неприкосновенность личной собственности, за исключением предметов, непосредственно относящихся к ведению боевых действий (ст. IV Положения 1907 г.).

Однако оперативная практика германских вооружённых сил (вермахта) в ходе кампании на Восточном фронте демонстрирует систематическое отклонение от данных предписаний. Архивные документы свидетельствуют: приказы санкционировали лишение советских военнопленных нормального довольствия (например, замена его падалью) и их привлечение к опасным работам, таким как разминирование. Подобные инструкции не были единичными, а отражали общую установку. [13]

Аналогичный разрыв между *lex lata* и *lex ferenda* наблюдался в сфере защиты гражданского населения. Статья 25 Положения 1907 года содержала императивный запрет на атаки или бомбардировки населённых пунктов, не имеющих фортификационных сооружений (*open towns*). Тем не менее, на начальном этапе войны данная

норма была последовательно нарушена, что подтверждается фактами нанесения ударов по незащищённым городам.

С первых дней войны немецкая авиация, известная как люфтваффе, начала систематически наносить мощные удары по городам Польши. Такие населённые пункты, как Варшава, Велюнь, Фрамполь и другие, подверглись массированным бомбардировкам немецкими войсками, нередко направленным непосредственно на мирных жителей. Фрамполь, например, был стёрт с лица земли, причём это разрушение не имело военной целесообразности – оно проводилось исключительно для испытания силы и меткости авиации.

Правовой режим управления на оккупированных территориях был определён в разделе III Положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года, озаглавленном «О военной власти на территории неприятельского государства». Статья 46 данного акта прямо устанавливала обязанность оккупационных властей уважать семейные права, жизнь и частную собственность местных жителей, а также их религиозные убеждения и связанные с ними практики.

Несмотря на это чёткое нормативное предписание, реальная практика оккупации с первых её дней характеризовалась систематическими и массовыми нарушениями данных принципов. На оккупированных территориях СССР были проведены целенаправленные акции по уничтожению мирного населения, принявшие характер геноцида: массовые расстрелы в Житомире (около 18 тыс. евреев), Днепропетровске (11 тыс.), Одессе (26 тыс.). Апогеем стал Бабий Яр в Киеве (сентябрь 1941), где было убито около 70 тысяч человек, преимущественно евреев. [11]

Эти примеры – лишь часть длинного списка военных преступлений, потрясших мир своей бесчеловечностью. Блокада Ленинграда, уничтожение Хатыни, массовые расстрелы – масштабы трагедии исчисляются миллионами жизней. Подобные действия, хотя и в ином контексте, совершались и другими участниками войны, что порождает сложные вопросы о военной необходимости и пропорциональности (например, при бомбардировках Дрездена, Хиросимы и Нагасаки, затоплении берлинского метро).

Именно этот трагический опыт заставил мировое сообщество задуматься о создании механизмов, призванных предотвратить подобное в будущем.

Учреждение Организации Объединённых Наций в 1945 году, по итогам конференции в Сан-Франциско, стало прямым институциональным ответом международного сообщества на трагический опыт Второй мировой войны. Среди ключевых целей новой организации, закреплённых в

её Уставе, значилась задача содействия прогрессивному развитию международного права и его систематической кодификации.

Для её реализации Генеральная Ассамблея ООН учредила Комиссию международного права. Примечательно, что на начальном этапе Комиссия исключила из повестки детальную разработку «права войны». Это решение объяснялось тем, что Устав ООН, объявив агрессивную войну вне закона, *de jure* устранил основу для такой кодификации. Кроме того, подобная инициатива могла быть воспринята как сомнение в способности ООН поддерживать мир. [3]

Ключевым новшеством Устава ООН стал императивный запрет на применение силы в международных отношениях (ст. 2). Катастрофические последствия войны окончательно дискредитировали её как допустимое средство политики. Однако вооружённые конфликты не исчезли; их правовая оценка варьируется от акта агрессии (вторжение Ирака в Кувейт, 1990) до законной самообороны. [18] В таких случаях легитимирующую роль играет глава VII Устава, наделяющая Совет Безопасности полномочиями санкционировать применение силы, как это было в операции «Буря в пустыне». [20]

Глубокое этическое-правовое осмысление гуманитарных последствий войны стимулировало интенсивное развитие международного гуманитарного права в послевоенные десятилетия (1949–1977 гг.). Значительную роль в этом процессе сыграло параллельное становление самостоятельной отрасли – международного права прав человека, институционально оформившегося благодаря принятию Всеобщей декларации прав человека (1948) и последующих международных пактов 1966 года.

Непосредственным ответом на выявленные в годы войны системные пробелы и недостатки существовавших договоров стала масштабная кодификационная работа Международного комитета Красного Креста. Её результатом явилась разработка четырёх новых конвенций, призванных заменить, расширить и усилить правовой режим, установленный Женевскими конвенциями 1929 года. Эти документы, известные как Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, универсализировали гуманитарные стандарты и в настоящее время составляют ядро общепризнанного международного гуманитарного права. Ценность этого нового института заключается в огромном влиянии на Основные законы послевоенных государств. Связано это во многом с тем, что некоторые положения попросту «перекочевали» из одного нормативного акта в другой.

Принцип верховенства прав человека, ставший краеугольным камнем послевоенного право-

порядка, нашёл своё прямое отражение в базовых законах государств, переживших поражение и переосмысление своей политико-правовой системы. Так, Основной закон ФРГ (статья 3) и Конституция Японии (статья 14) закрепили императив равенства всех перед законом и запрет дискриминации по широкому спектру признаков, включая пол, расу, вероисповедание и социальное положение.

Эта же философия недискриминации и универсальной защиты была инкорпорирована в ядро обновлённого международного гуманитарного права. Статья 13 Женевской конвенции IV (1949 г.) о защите гражданского населения во время войны устанавливает, что её положения распространяются на всё население без какого-либо различия, в особенности основанного на расе, национальности, религии или политических убеждениях.

Четыре Женевские конвенции 1949 года, усиленные нормами международного обычного права, сформировали универсальный правовой каркас, неоднократно применявшийся в последующих вооружённых конфликтах различного характера. Их действие и толкование были актуальны в ходе Шестидневной войны (1967), Фолклендского конфликта (1982), ирано-иракской войны (1980–1988), операции «Буря в пустыне» (1990–1991), а также в конфликтах на территории бывшей Югославии и в ряде внутренних вооружённых столкновений в Азии и Африке.

Параллельно закладывались основы международной уголовной ответственности. Устав Нюрнбергского трибунала (1945) ввёл юрисдикцию над лицами за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, утвердив принцип индивидуальной ответственности. Приговор трибунала (12 смертных казней, 7 тюремных сроков, 3 оправдательных приговора из 24 обвиняемых) создал судебный прецедент исторического значения. [16]

Дальнейшая эволюция МГП была связана с адаптацией к новым вызовам, что выразилось в принятии в 1977 году двух Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям. Эти документы конкретизировали защиту особо уязвимых категорий, таких как дети, ввели прямой запрет на использование голода среди гражданского населения как метода войны и усилили нормы, касающиеся охраны объектов, необходимых для выживания населения.

В академическом дискурсе сохраняется критика, касающаяся проблем имплементации и эффективности современного МГП, особенно в контексте асимметричных конфликтов. Однако его нормативная и сдерживающая роль часто

остаётся незамеченной. Соблюдение права – когда военнопленные содержатся в человеческих условиях, семьи воссоединяются, а удары наносятся исключительно по военным объектам – редко становится новостным поводом, являясь ожидаемой нормой, сформированной именно послевоенным консенсусом.

Таким образом, Вторая мировая война опровергла, а не подтвердила тезис «*Inter arma enim silent leges*». Она стала катализатором для создания всеобъемлющей системы правовых ограничений, которые, несмотря на нарушения, установили чёткие стандарты поведения в конфликтах и легитимизировали механизмы ответственности за их нарушение. Война перестала считаться допустимым политическим инструментом, а право – безучастным наблюдателем.

Список литературы:

- [1] Абдулаев, Э. Н. О некоторых приемах изучения истории культуры / Э. Н. Абдулаев // Преподавание истории в школе. – 2010. – № 5. – С. 8-12.
- [2] Газиева, Л. Л. Проблемы и противоречия использования опыта Первой мировой войны по спасению детей в период Великой Отечественной войны / Л. Л. Газиева // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 2 (29). – С. 139-147.
- [3] Гессер, Г. П. Вызов, брошенный 26-й конференцией Красного Креста и Красного Полумесяца / Г. П. Гессер // Московский журнал международного права. – 2021. – № 3.
- [4] Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (пакт Бриана – Келлора) // Conventions. URL: <https://www.conventions.ru/int/22663/> (дата обращения: 09.04.2025).
- [5] Дополнительные статьи, касающиеся положения раненых на войне. Женева, 20 октября 1864 г. // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/add-arts-gc-1868?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [6] Заключительный акт Второй мирной конференции. Гаага, 18 октября 1907 г. // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/hague-finact-1907?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [7] Конвенция об обращении с военнопленными. Женева, 27 июля 1929 г. Исторический договор // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-pow-1929?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [8] Конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях. Женева, 22 августа 1864 г. // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-1864?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [9] Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Женева, 27 июля 1929 г. Исторический договор // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-wounded-1929?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [10] Конвенция об открытии военных действий от 18 октября 1907 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038162/titles/64U0IK> (дата обращения: 09.04.2025).
- [11] Котляров, Иван Иванович 70 лет Великой Победы: международно-правовая оценка военных действий германских войск в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/70-let-velikoy-pobedy-mezhdunarodno-pravovaya-otsenka-voennyh-deystviy-germanskikh-voysk-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945> (дата обращения: 09.04.2025).
- [12] Леншин, С. И., Тюркин, М. Л. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография // М.: За права военнослужащих. – 2009. – № 94.
- [13] Минасян, Н.М. Международные преступления третьего рейха. – Издательство Саратовского университета, 1977. – С. 217, 218, 224.
- [14] Понятие насилия в социально-политической философии Аристотеля // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. URL: <https://rrhumanities.ru/journal/article/2879/> (дата обращения: 20.11.2025).
- [15] Романовский, Г. Б. Современное развитие международного гуманитарного права (к 100-летию с начала Первой мировой войны и 75-летию с начала Второй мировой войны) // Гражданин и право. – 2014. – № 8. – С. 3-16.
- [16] Смирных, Сергей Евгеньевич Значение Нюрнбергского процесса для дальнейшего развития международного права // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-nyurnbergskogo-protsessa-dlya-dalneyshego-razvitiya-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 09.04.2025).
- [17] Скобина, Е. А., Рожкова, Н. А. Значение Второй мировой войны для развития международного публичного права // Международное право. – 2018. – № 4. – С. 34-43.

[18] Устав ООН, ст. 39 и 42.

[19] Франсуа, Б. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. – 2002. – № 845-847. – С. 205-233.

[20] Шагалов, Вячеслав Александрович Миротворческая операция оон в Сомали в 1992 1995 годах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorcheskaya-operatsiya-oon-v-somali-v-1992-1995-godah> (дата обращения: 09.04.2025).

References:

[1] Abdulaev, E. N. On some methods of studying the history of culture/E. N. Abdulaev//Teaching history at school. – 2010. – № 5. – S. 8-12.

[2] Gazieva, L. L. Problems and contradictions of using the experience of the First World War to save children during the Great Patriotic War/L. L. Gazieva// Bulletin of Perm University. Series: History. – 2015. – № 2 (29). – S. 139-147.

[3] Gesser, G.P. The challenge posed by the 26th Red Cross and Red Crescent Conference/G.P. Gesser//Moscow Journal of International Law. – 2021. – № 3.

[4] Treaty of Renunciation of War as an Instrument of National Policy (Briand-Kellogg Pact)//Conventions. URL: <https://www.conventions.ru/int/22663/> (access date: 09.04.2025).

[5] Supplementary articles concerning the situation of war wounded. Geneva, October 20, 1868// International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/add-arts-gc-1868?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).

[6] Final Act of the Second Peace Conference. The Hague, October 18, 1907//International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/hague-finact-1907?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).

[7] Convention on the Treatment of Prisoners of War. Geneva, July 27, 1929. Historical Treaty//International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-pow-1929?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).

[8] Convention on Improving the Lot of Wounded in Active Armies. Geneva, August 22, 1864//International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-1864?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).

[9] Convention on Improving the Lot of Wounded and Sick in Active Armies. Geneva, July 27, 1929. Historical Treaty//International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-trea>

[ties/gc-wounded-1929?activeTab=historical](https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-wounded-1929?activeTab=historical) (дата обращения: 09.04.2025).

[10] Convention on the Opening of Hostilities of October 18, 1907//Electronic Fund for Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038162/titles/64U0IK> (access date: 09.04.2025).

[11] Kotlyarov, Ivan Ivanovich 70 years of the Great Victory: international legal assessment of the military operations of German troops during the Great Patriotic War (1941-1945)//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/70-let-velikoy-pobedy-mezhdunarodno-pravovaya-otsenka-voennyh-deystviy-german-skih-voysk-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945> (дата обращения: 09.04.2025).

[12] Lenshin, S. I., Turkin, M. L. The legal regime of armed conflicts and international humanitarian law: Monograph//M.: For the rights of military personnel. – 2009. – № 94.

[13] Minassian, N.M. International Crimes of the Third Reich. - Saratov University Publishing House, 1977. - S. 217, 218, 224.

[14] The concept of violence in the socio-political philosophy of Aristotle//Scientific result. Social and humanitarian studies. URL: <https://rrhumanities.ru/journal/article/2879/> (access date: 20.11.2025).

[15] Romanovsky, G. B. Modern development of international humanitarian law (to the 100th anniversary of the beginning of World War I and the 75th anniversary of the beginning of World War II)//Citizen and law. – 2014. – № 8. - S. 3-16.

[16] Smirnykh, Sergey Evgenievich The importance of the Nuremberg trials for the further development of international law//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-nyurnbergskogo-protssesa-dlya-dalneyshego-razvitiya-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 09.04.2025).

[17] Skobina, E. A., Rozhkova, N. A. The importance of World War II for the development of public international law//International law. – 2018. – № 4. - S. 34-43.

[18] UN Charter, Articles 39 and 42.

[19] Francois, B. Just War, Aggressive War and International Humanitarian Law//International Journal of the Red Cross. – 2002. – № 845-847. - S. 205-233.

[20] Shagalov, Vyacheslav Alexandrovich UN peacekeeping operation in Somalia in 1992 1995// Uchen. zap. Kazan. University. Ser. Humanite. sciences. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorcheskaya-operatsiya-oon-v-somali-v-1992-1995-godah> (дата обращения: 09.04.2025).